

УДК94(571.541.55)
ББК73(2Р54)

*Леонид Владимирович Курас,
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия), e-mail:kuraslv@yandex.ru*

Западное Забайкалье в начале XX в.: борьба за землю

В статье, на примере Западного Забайкалья (Республика Бурятия), на фоне общей колонизации Сибири, аграрного кризиса и обострения капиталистических противоречий, рассматривается аграрный вопрос как один из важнейших аспектов общественно-политической жизни России начала XX в. – предтечи революции 1905–1907 гг. и социального переворота 1917 г.

При этом дается оценка административно-земельной реформе, резко ухудшившей жизнь коренного населения, показана огромная роль развития общественно-политической мысли, пролетарского и национального движения в борьбе за землю.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, начало XX века, административно-земельная реформа, общественно-политическая мысль, аграрное движение, национальное движение, революция, волостная реформа, буддийское духовенство.

*Leonid Vladimirovich Kuras,
Doctor of History, Associate Professor
the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS
(Ulan-Ude, Russia), e-mail:kuraslv@yandex.ru*

West Trans-Baikal at the Beginning of the 20th century: Struggle for the Land

In the article the agrarian movement in the West Trans-Baikal (modern Republic of Buryatia), one of the most important of all the aspects of social and political life of Russia at the beginning of XX century that preceded revolution of 1905–1907 and the events of 1917, is examined.

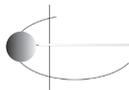
The problems of administrative and agrarian reforms that have sharpened social contradictions and made worse the aboriginal people's life, are examined. The important role of social and political thought and workers' and national movement in the struggle for the land is shown as well/

Keywords: West Trans-Baikal, the beginning of the XX century, administrative and agrarian reforms, social and political thought, agrarian movement, national movement, revolution, administrative reform, Buddhist clergy.

До революции Бурятия не представляла собой единой административно-территориальной единицы: западная часть с территорией 638198,2 кв. версты входила в состав Иркутской губернии, а восточная с территорией 552339,1 кв. версты – в состав Забайкальской области. По переписи 1897 г., население Иркутской губернии составляло 515070 чел., в том числе бурят – 110 тыс. чел., Забайкальской области – 672072 чел., в том

числе бурят – 178 тыс.чел. Западное Забайкалье – территория современной Бурятии – включало в себя четыре уезда: Верхнеудинский, Селенгинский, Троицкосавский и Баргузинский.

На рубеже XIX–XX вв. регион был втянут в орбиту капиталистических отношений, оставаясь при этом отсталой национальной окраиной с ярко выраженной аграрной специализацией. На 1 января 1914 г. сельское

население Забайкальской области составляло 85,9 %. Хозяйство бурят было преимущественно животноводческим: забайкальские буряты, составлявшие 28,1 % сельского населения области, владели 51,1 % всего скота. В Иркутской губернии бурятские хозяйства засеивали 18,1 % всех посевов губернии и владели 30 % всего скота.

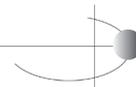
Основная масса населения была занята сельским хозяйством, которое велось отсталым, примитивным способом и отличалось низкой продуктивностью и производительностью труда. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в пределах Иркутской губернии и Забайкальской области насчитывалось 61981 инородческое хозяйство с населением 284277 чел. Значительное место занимали различные промыслы (рыбная ловля, охота, сбор лесных плодов). В 1911 г. в бассейне озера Байкал было выловлено рыбы на 238 тыс. руб.

Промышленный пролетариат был малочисленным, а национальный пролетариат вообще отсутствовал. Однако строительство Транссибирской железной дороги дало стимул развитию края.

На развитие общественно-политической мысли в Бурятии, отличавшейся богатством идей и направлений, оказали влияние исторические условия и русская общественно-политическая мысль, определяющей силой которой в этот период было революционное движение. В силу особенностей региона революционное движение бурятского народа приобрело форму национального, которое стало составной частью общей революционной борьбы в России.

Национальное движение в Бурятии получило своё развитие в начале XX в. в условиях разрушения былой патриархально-феодальной замкнутости и формирования капиталистических отношений, резкого усиления эксплуатации как со стороны русской буржуазии, так и «инородческой» полуфеодальной верхушки, растущего национального самосознания и отсутствия права на самоопределение. Толчком к выражению массового недовольства бурят послужило проведение царизмом в 1900–1901 гг. новых земельно-административных реформ, ухудшивших положение широких слоёв коренного населения.

Аграрный кризис и обострившиеся на этой почве классовые противоречия в Центральной России ускорили процесс колонизации Сибири, в частности, Прибайкалья и Забайкалья. В начале XX в. правящими кругами империи, строившей планы на Дальнем Востоке в отношении Кореи, Маньчжурии, Северного Китая, переселенческая политика стала рассматриваться как важная государственная задача. Насажение «крепкого мужика» на востоке империи должно было, согласно целям правительства, обеспечить не только внутривнутриполитические интересы, но и укрепить военно-стратегическое положение государства. Однако свободных земель для обеспечения значительного количества переселенцев было недостаточно. На двух соседних территориях – в Иркутской губернии и Забайкальской области – данная проблема решалась по-разному. В Иркутской губернии аграрная политика выстраивалась в русле общего колонизационного курса правительства, которое рассматривало занимаемые бурятами земли как собственность Казны и Кабинета. Исходя из этого, земельные наделы отводились бурятам в пользование, а не в собственность, что позволяло изымать необходимое количество земли в колонизационный фонд, а также увеличивать с инородцев сборы государственной оброчной подати за пользование землей. С принятием правительственных решений по организации поземельного устройства в 1896 и 1898 гг. в Иркутской губернии на землях бурят развернулись работы по подготовке переселенческих участков. Это вызвало протесты бурятских ведомств, которые вылились в широкое национальное движение, направленное против земельной реформы. Весной и летом 1899 г. на имя Иркутского генерал-губернатора поступило 11 жалоб от Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов, которые были оставлены без внимания [4, с. 100]. После этого в октябре 1899 г. представители 16 бурятских ведомств обратились с ходатайством о приостановлении реформы в Министерство земледелия и государственных имуществ, ряд обращений был адресован Министерству внутренних дел. Учитывая протесты бурятского населения, а также продолжающееся освоение «свободных» земель на северо-западе губернии, в мае 1900 г. поземельное устройство бурят Иркут-

ской губернии было приостановлено «до собрания ... подробных данных об условиях их веского быта».

В Забайкальской области к концу XIX в. земельные отношения отличались крайней запутанностью. Это было обусловлено особенностью её заселения в XVII–XIX вв., результатом чего стала чересполосица земель русских крестьян, казаков, бурят и эвенков, которая «вызвала массу поземельных споров, портивших взаимоотношения русских и инородцев» [7, с. 66]. По свидетельству Г. Н. Потанина, «количество земли, захваченной русскими кортами у инородцев, было, конечно, не велико, но с годами оно постепенно увеличивалось с постоянным ростом русской колонизации» [8, с. 279]. Положение в земельном вопросе осложнялось наличием в области различных категорий земельных собственников – государства (казны), Кабинета (царя и его семьи), Забайкальского казачьего войска – и неопределённостью собственности бурят и эвенков на занимаемые ими земли. Запутанность земельных отношений и вызванная ими острота поземельных конфликтов мешали дальнейшему росту производительных сил в Забайкалье. Для обеспечения будущих переселенцев землей правительство пошло на форсирование аграрной реформы в области путём уравнивания землепользования скотоводов-кочевников и оседлых земледельцев и изъятия инородческих земель в колониционный фонд.

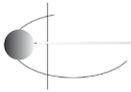
Согласно закону «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области» (5 июня 1900 г.) устанавливались единая норма земельного надела – по 15 десятин на душу мужского пола – и одинаковый размер платежей без учёта разнообразия естественных природных ресурсов области, разницы хозяйственных укладов населения и интересов бурятского скотоводческого хозяйства, требовавшего обширных земельных пространств. Землеустроительные законы нанесли сильнейший удар по коренному населению: в колониционный фонд передавалось 5 млн десятин земель из 6,78 млн, находившихся до этого в его пользовании [5, с. 382].

Поскольку реализация закона о землеустройстве была сопряжена с основательным изменением хозяйства и кочевого быта бурят

и эвенков, он не мог найти понимания и поддержки не только у основной массы бурят, но и «степной аристократии», стоявшей во главе местного национального самоуправления. Поэтому в качестве подготовительной меры, предшествующей поземельному устройству, властями было решено провести в Забайкальской области административную реформу, предусматривавшую ликвидацию «Степного управления». По закону «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» (23 апреля 1901 г.) бурятские Степные думы как органы родового управления заменялись русскими территориальными единицами – волостями, во главе которых стояли крестьянские начальники, вводилось русское делопроизводство и суд. Тем самым упразднилось бурятское самоуправление, веками существовавшее и законодательно закреплённое в 1822 г. «Уставом об управлении инородцев», разработанного М. М. Сперанским. Призванное укрепить переселенческую политику империи, законодательство больно ударило по коренному населению.

Неразрывную связь двух законов – «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев Забайкальской области», лишаящего их земли, и «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области», ликвидировавшего традиционные формы управления, – бурятское население чувствовало и понимало. Их неприятие вылилось в открытое сопротивление бурятских и эвенкийских крестьян проведению волостной реформы и в массовое движение бурятского народа за национальные права и свои «породные земли». Буряты отказывались уплачивать «темные поборы» в пользу нойонов и чиновников, долги ростовщикам, выполнять непосильные повинности. В Хоринском, Тункинском и других бурятских ведомствах происходили столкновения крестьян с нойонами по вопросам землепользования.

При введении волостной реформы в бурятских ведомствах правительство вынуждено было учитывать особенности функционирования родовой организации, в частности принцип выборности родоначальников, который после выхода Устава 1822 г. был законодательно закреплён в «Степном управлении». В

связи с этим вместо назначения должностных лиц была установлена их **выборность**. Однако, несмотря на это, при введении волостной реформы в различных местностях Забайкалья стали проявляться, а затем учащаться случаи неповиновения властям. Необходимо отметить, что для бурят, зависимых и покорных любому чиновнику русской администрации, это было делом неслыханным. 3 декабря 1902 г. в урочище Санага был созван сход бурят по вопросам о выборах должностных лиц сельского населения, на котором категорически было отклонено предложение крестьянского начальника о выборах. Собравшиеся мотивировали это тем, что «довольны старым положением, а от нового ждут вреда для себя» [3, с. 260]. **Открытые выступления против волостной реформы** вспыхнули среди крестьян Закаменской и Армакской инородных управ, галазутских, гочитских и агинских бурят [Там же, с. 384–385].

Добиваясь возвращения отрезанных земель и ликвидации новых административных органов, бурятское население также выдвигало требования создания условий для развития национальной культуры, религии и языка, предоставления национальной автономии. Бурятские ведомства Забайкальской области были объявлены на военном положении.

Выступления крестьян, тем не менее, в это время не приобрели широкого размаха, ограничивались, как правило, сельским или улусным обществом, родами или ведомствами и носили стихийный характер. Распространёнными формами выражения протеста против царского строя стали сугланы (собрания), совещания, общеобластные и общегубернские съезды бурят, проходившие под руководством национальной интеллигенции. Эти съезды и совещания выдвигали требования национального самоуправления, ограждения земельных угодий от изъятия в колониционный фонд и захвата в пользу императорского Кабинета, введения всеобщего обязательного обучения и преподавания на родном языке, открытия новых школ и училищ, снятия ограничений приёма в высшие и средние учебные заведения.

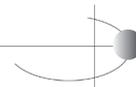
Инициаторами выступлений против аграрной реформы были родовая аристократия и буддийское духовенство. Наибольшую активность проявили нойоны и ламы Хорин-

ского и Агинского ведомств. Они были осведомлены о содержании проекта земельного закона ещё до утверждения его царём. Один из них – главный тайша Хоринской Степной думы Э. Вамбоцыренов – подал прошение царю, в котором попытался убедить его учесть интересы бурят и по-иному разрешить земельный вопрос. Подавались и другие прошения.

С принятием обоих вышеуказанных законов активность родовой знати ещё более усилилась. Способы борьбы оставались легальными – подача прошений, петиций и т. д. Но прошения стали гораздо более аргументированными, в чем можно убедиться, ознакомившись с текстами «приговоров» и ходатайств, составленными группами бурят личных ведомств (Ульдургинской «инородной управы» от 30 августа 1902 г.; восьми родов бурят Баргузинского ведомства от 3 января 1901 г. и др.). Суть ходатайств сводилась к просьбам о сохранении за ними исконных «породных» земель и системы родового управления.

Эти документы отражали насущные нужды бурят-скотоводов и их критическое отношение к административно-правовым актам царизма. Особенно показательным в этом отношении является прошение царю, поданное в декабре 1901 г., в котором от имени 10 тыс. забайкальских и иркутских бурят высказывалась просьба «освободить их от... тяжкой участи, в крайнем случае, повелев отложить реформу на 50–60 лет, пока буряты не примирятся с мыслью о реформе» [Там же, с. 211, 214, 260]. «Скотоводство, составлявшее единственное богатство бурят, с ограничением земельного надела, безусловно, уничтожится, – указывается в прошении. – А так как нет земли, годной для занятия хлебопашеством, и, кроме того, буряты ведут искони кочевой образ жизни, то естественно, столь неожиданная реформа может погубить ещё некультурных бурят». Этот документ, очевидно, в силу своей убедительности, привлёк особое внимание правительства и был рассмотрен царём. Тем не менее, просьбы учтены не были.

Не ограничиваясь прошениями, родоначальники стали посылать делегации от имени родовых сообществ к военному губернатору области, Приамурскому генерал-губернатору, высокопоставленным чиновникам в Петер-

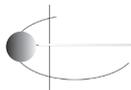
бург и к самому царю в надежде добиться приостановления введения реформы. Одна из делегаций хоринских бурят, прибывшая в Читу в начале 1902 г. с ходатайством о сохранении Устава 1822 г., не добилась положительного результата ни у губернатора области, ни у Приамурского генерал-губернатора. Тогда была направлена делегация в Петербург от имени почти всех забайкальских бурят. Но никакие попытки обращения к правительству и отдельным его членам успеха не имели. В сентябре 1902 г., добиваясь встречи с Николаем II, группа бурят выехала в Ливадию, где он в то время отдыхал, но царь отказался принять делегацию, и она ограничилась подачей прошения дворцовому коменданту. Ответ на прошение последовал в ноябре. Царь отказался удовлетворить ходатайство об отмене закона о поземельном устройстве и волостной реформы.

На начальном этапе (1900–1903 гг.) национальное движение главным образом было направлено против земельно-административной реформы и носило стихийный характер. Это были отдельные выступления в форме подачи петиций и обращений царю. Социал-демократические организации в этот период не имели серьезного влияния на аграрное и особенно национальное движение. Несмотря на предпринятые усилия, борьба бурят за отмену введения законов 1900 и 1901 гг. не увенчалась успехом.

Уже в 1903 г. царское правительство предпринимает решительную попытку форсирования поземельного устройства в Забайкальской области. Однако при практической реализации намеченных мер оно столкнулось с серьезными трудностями, в частности чересполосицей как следствием предыдущих этапов колонизации. С проведением работ по землеустройству, когда «приток русских переселенцев внезапно усилился, захват инородческих земель стал принимать головокружительные размеры» [8, с. 279]. Протесты бурят против введения законов 1900–1901 гг., постепенно усиливавшиеся, ограничивали и сдерживали темпы работы вневедомственной комиссии и землеустроительных отрядов. Если в 1902 г. путём насилия и обмана со стороны крестьянских начальников в некоторых ведомствах (например, в Баргузинском) удалось провести выборы должностных лиц об-

ластного и сельского управлений, то уже в начале 1903 г. баргузинские буряты отказались от реформы. О враждебном в целом отношении к реформе говорится в постановлениях булучных сугланов, донесениях крестьянских начальников военному губернатору, сообщениях местных чиновников из Баргузина, Верхнеудинска. Просьбы бурят об отсрочке введения реформы, с которыми они неоднократно обращались к властям, были вполне аргументированными. В процитированной Ф. А. Кудрявцевым доверенности Куржетаевской «инородной управы», сохранившейся в архиве депутата II Государственной думы Б.-Д. Очирова, говорилось: «Неоднократно нас, кочевников, принуждают к принятию нового положения, утвержденного 23 апреля 1901 г. По обсуждению сего, мы находим, что таковое со временем непременно будет противоречить нашему кочевому хозяйству и духовному быту». Отсрочить введение реформы просили буряты 1-го и 2-го Сартуловского рода, Верхне- и Нижне-Баргултайского десятков, Гыгетуйского, Нарынского, Торейского, Алсанского и других десятков. Аналогичную просьбу высказал сход бурят 1-го Табангутского и 1-го Сартулового родов Ичетуйского десятка, состоявшийся 15 декабря 1903 г. [6, с. 35]. **Отказались выбирать** должностных лиц буряты 2-го участка Верхнеудинского уезда. 15 декабря 1903 г. военный губернатор представил начальству списки волостей, население которых отказалось от выборов. Приведённый перечень волостей свидетельствовал о широте движения против реформы. С протестом выступили Агинская, Цугольская, Онгоцонская волости, Оронгойская волость Селенгинского уезда, Ходайская волость Верхнеудинского уезда. 22 декабря 1903 г. военный губернатор доносил Приамурскому генерал-губернатору, что, по полученным от крестьянских начальников сведениям, добровольных выборов должностных лиц кочевыми инородцами нигде не состоялось.

О том, что обстановка в Забайкалье в 1903 г. значительно осложнилась по сравнению с предыдущим годом, говорит тот факт, что повеление царя о создании с 1 января 1903 г. новых органов управления и суда бурят и эвенков не было выполнено. Вновь назначенный Приамурский генерал-губернатор Субо-

тич был встречен по прибытии в Забайкалье и депутатами как родовичами, так и простыми людьми из всех ведомств бурят и тунгусов, которые отказались принять устройства и суда по положению 1901 года...». В своем письме министру внутренних дел В. К. Плеве он сообщал: «К вопросу о земле собравшиеся представители инородцев относились так нервно, что уже очевидно, что предлагаемое землеустройство застаёт население недостаточно подготовленным к этой реформе, слишком затрагивая его экономические интересы...» [Там же, с. 36]. Генерал-губернатор просил в интересах государства оставить землепользование у кочевого населения на прежних основаниях, то есть отказаться от административной реформы на три года, что, по его мнению, могло подготовить почву для её проведения.

Дальнейшие действия правительства явно свидетельствовали о растерянности и озабоченности положением дел в Забайкалье, сложившимся в результате подъёма движения бурят против реформы. Царские сановники были вынуждены рассмотреть вопрос о дальнейшем направлении землеустроительных работ в области, предложение Приамурского генерал-губернатора стало предметом обсуждения при министре внутренних дел. И хотя оно было отклонено, административно-судебную реформу было решено отсрочить на год. Только к концу 1904 г. насильственно проводимая реформа очного управления была в основном завершена.

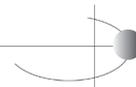
За два столетия в составе Российской империи буряты впервые открыто выступили против законов государства. Отказ правительства удовлетворить многочисленные ходатайства бурят укрепляли их решимость продолжать борьбу против земельной и волостной реформ. Отдельные стихийные выступления постепенно стали выливаться в массовое общенациональное движение.

Новая волна национального движения приходится на начало 1904 г., когда должностные лица из местного населения стали отказываться от выполнения своих обязанностей. По существу это было продолжением протеста бурят против реформы волостного управления и вводимого в её рамках института «крестьянских начальников». В ответ на массовые отказы бурят правительство приняло решение об их замене лицами русского

происхождении или из числа крещёных бурят. Всего, таким образом, было назначено до 90 чел. [3, с. 278]. Противостояние приняло ярко выраженный характер межэтнического конфликта. Правительство открыто показало своё недоверие бурятскому населению как инородцам и иноверцам. Сопротивление бурят введению реформы и ликвидации органов национального самоуправления теперь уже стимулировалось интересами самосохранения себя как этноса, что свидетельствовало о возросшем национальном самосознании.

Срыв выборов местных должностных лиц в 1904 г. стал частым явлением в Забайкалье. Читинский уездный начальник в своём рапорте 13 января сообщал, что в селении Агинском во время выборов «толпа, негодуя вновь назначенных должностных лиц, не расходилась... полетели камни головы несчастных должностных инородцев... Таким образом, акт приведения к присяге вновь назначенных инородческих должностных лиц состояться не мог...» [там же, с. 230]. Буряты Хоринского ведомства угрожали побить крещёных бурят, которые согласятся занять должности. Крестьянский начальник 1-го участка Верхнеудинского уезда доносил о беспорядках, которые произошли 31 января 1904 г. в Галзотской волости. Беспорядки происходили и в других ведомствах Забайкальской области. Размах движения бурят Закаменской и эвенков Армакской «инородных управ» был настолько велик, что введение нового административно-судебного устройства в них было отсрочено.

Прямой саботаж действий правительства, выразившийся в массовых выступлениях бурят против должностных лиц, назначенных властями, заставил Приамурского генерал-губернатора принять более решительные меры. Для наведения порядка в Агинском волостном управлении в Агу был направлен становой пристав и в распоряжение управы – десять солдат. Практика применения военной силы в условиях далёкой инородческой окраины свидетельствовала о серьёзном ухудшении обстановки в Забайкалье в связи с ростом национального движения бурят и эвенков. 5 февраля 1904 г. местность, в которой располагались кочевья бурятских ведомств Хоринской, Селенгинской, Агинской и Баргузинской Степных дум, а также Онгоцаганской, Куржетаевской и Цонголь-

ской «инородческих управ», объявлялась на положении усиленной охраны. С введением в Забайкалье военного положения политика царских властей приняла характер открытых репрессий в отношении некоторых бурят. Забайкальский военный губернатор доносил Приамурскому генерал-губернатору, что им «по настоящее время подвергнуты административной высылке в Баргузинский уезд, в Верхне-Ангарское сельское общество 32 бурята и аресту при Читинской тюрьме трое бурят» [4, с. 107].

Репрессиям подвергались, прежде всего, представители родовой знати, а также другие активные участники выступлений, обвинённые в подстрекательстве к беспорядкам. Так, ширетуй Агинского дацана был обращён в светское состояние и немедленно выслан в пределы Баргузинского уезда. То же самое произошло с гелун-ламой Онинского дацана Сангаровым. Карательные меры коснулись и представителей бурятской знати, находившихся в Петербурге: бывшего тайшу Хоринского ведомства Вамбоцыренова, Вампилова и Цыренова. С началом национального движения они в своих телеграммах агитировали соплеменников всячески сопротивляться проведению волостной реформы. Эти действия были квалифицированы властями как «вредная агитация», и 7 февраля 1904 г. Вампилов и Цыренов были высланы из Петербурга [3, с. 278].

В период реакции представители родовой знати оказались в положении заложников, так как репрессии в первую очередь были направлены против находившихся на виду у властей. В результате часть из них была вынуждена временно отказаться от активной борьбы против введения волостного управления, а другая, деморализованная давлением властей, стала поддерживать точку зрения правительства, убеждая своих соплеменников отказаться от сопротивления и принять реформу. В некоторых волостях им удалось это сделать (например, в Хоринском ведомстве).

В исторической литературе до конца не преодолён негативный подход в оценке роли родовой знати (нойонства), буддийского духовенства (ламства) в национальном движении [11; 3; 9; 2]. В частности, вынужденный отказ от борьбы, подчинение части из них властям профессор Н. П. Егунов объяснял малодушием и классовой ограниченностью [3, с. 291].

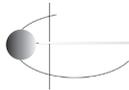
Сегодня такие оценки во многом устарели. Участие родовой аристократии, духовенства в национальном движении служит показателем изменения отношений между членами сообщества – рядовыми общинниками и родоначальниками – при возникновении угрозы его существованию. Необходимость защиты этнических интересов консолидировала народ. Наличие национального самоуправления, возглавляемого родовой аристократией, объективно выдвигало её на роль лидера.

Конечно, родовая аристократия не всегда играла прогрессивную роль, но даже в худших случаях она оставалась единственной частью нации, стоявшей на страже общенациональных интересов, и в глазах массы была символом национального единства. «Нужно помнить, – писал Л. Я. Штернберг, – что самый ненавистный родович – аристократ все же ближе инородцу, чем русский чиновник, ибо живёт той же жизнью, что и он, и национальное высокомерие ему не знакомо» [10, с. 553].

Репрессии со стороны правительства 1903–1904 гг. временно снизили активность бурятских выступлений против реформ. Но последующие события в жизни России – русско-японская война и первая русская революция 1905–1907 гг. – вызвали новую волну протеста.

Если в XIX в. национальный вопрос в Российской империи (за исключением Польши и Финляндии) находился в латентном состоянии, то в начале XX в. он превратился в общегосударственную проблему, требующую оперативного и вместе с тем крайне деликатного решения. Усиление диспропорций в развитии экономики между метрополией и национальными окраинами, оживление ассимиляторских действий бюрократии способствовали появлению и проявлению сепаратистских тенденций, носителем которых по преимуществу стала национальная интеллигенция. Административное рвение русского чиновничества, мало подготовленного к культуртрегерской роли, вызывало нарастание неприязни со стороны формирующихся национальных элит, начавших требовать территориальной автономии, децентрализации власти, вплоть до политического самоопределения и отделения от Российской империи [11, с. 81].

Революция 1905–1907 гг., вскрывшая накопившуюся и обострившуюся несправедливость в отношении «инородцев», явилась

мощным стимулом к небывалому подъему национального самосознания народов Российской империи. По мнению одного из видных представителей бурятской интеллигенции Э.-Д. Ринчино, «...она пробудила в них революционное и национальное самосознание и дала огромный толчок к их приобщению к европейской культуре... Революция 1905 г. доказала ему (самодержавию), что сибирские инородцы уже не покорные и верноподданные «дети белого царя» и не могут являться оплотом реакции в Сибири, так как они в целом примкнули к движению 1905 г., выдвинув требования свободы национального самоопределения и прочие революционные лозунги» [4]. Под воздействием революционных событий в стране развернулось мощное национально-освободительное движение.

В поражении Российской империи в войне с Японией буряты увидели слабость военной мощи государства, которое до этого внушало им только страх. Однако надежды бурятского народа на изменение отношения к нему правительства после войны оказались безосновательными. Неурожай 1905 г. и усиление гнёта вызвали рост недовольства бурят социально-экономической политикой правительства. С этого времени наряду с национальными всё настойчивее выдвигаются социально-экономические требования.

Например, в «приговорах» бурятских крестьян Нурского булука Галзутской волости Верхнеудинского уезда, Угданского булука Хаоцайской волости, Дамнинского булука Кубдутской волости и других содержались требования уменьшения податей и обложения хозяйств в зависимости от их размеров и доходов. Крестьянский начальник 2-го участка Селенгинского уезда признавался, что суть требований крестьян состоит в том, чтобы урегулировать и облегчить натуральные повинности [3, с. 110].

Миссионерская политика государственной православной церкви, преследовавшая цель христианизации и русификации бурят, закладывала основу национальной неприязни, усугубившейся в дальнейшем на почве земельных споров. Православие, как отмечалось в докладе на октябрьском съезде монголо-бурят 1917 г., «прививалось инородцам при помощи кулаков и нагаек земской полиции... Отцы миссионеры, «просвещая» язычников и инородцев, охотно лазили в их мощны, причем учиняли над инородцами беспримерные и отвратительные насилия» [1, л. 2–3]. Русская революция, а также Манифест 17 октября 1905 г., «даровавший» свободу исповеданий, активизировали ламское духовенство.

Список литературы

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Оп. 1.
2. Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923. Новосибирск, 1978 и др.
3. Егунов Н. П. Колониальная политика царизма и первый этап национального достижения в Бурятии. Улан-Удэ, 1963. С. 260.
4. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. С. 100.
5. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. 1954. С. 382.
6. Кудрявцев Ф. А. 1905 год в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1936. С. 35.
7. Клеменц Д. Население Сибири // Сибирь, её современное состояние и её нужды. СПб., 1918. С. 66.
8. Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь, её современное состояние и её нужды. СПб., 1918. С. 279.
9. Санжиев Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири (1917–1937 гг.). Улан-Удэ, 1971.
10. Штернберг Л. Я. Инородцы. Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 553.
11. Шелухаев В. Уроки модернизации старой России. Отношение к прошлому – ключ к будущему // Отечественная история. 1999. № 6. С. 81.

Статья поступила в редакцию 26.12.2011 г.